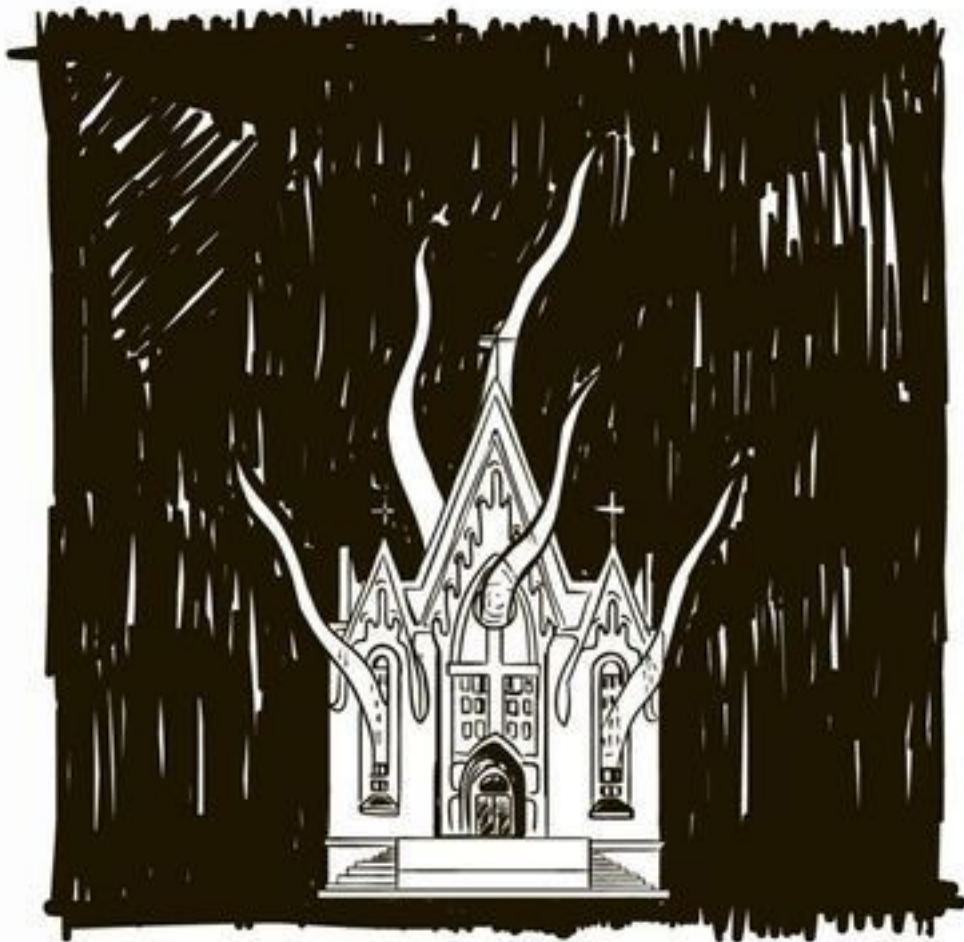

Илья Плахута

СПЯЩИЙ БОГ

Илья Плахута

Спящий Бог

«Издательские решения»

2015

Плахута И.

Спящий Бог / И. Плахута — «Издательские решения», 2015

В небольшом городке святой отец Фрэнк работает в церковном приходе. Он устал, ему опостылела жизнь священника, и он фактически сросся со своей маленькой церквушкой в ожидании долгожданного выхода на пенсию. Сонное существование священника нарушает череда убийств, и каждый может оказаться виновным, ведь отец Фрэнк – негласный хранитель секретов всего городка. Справится ли он с давлением, или внезапно всплывшие тайны молодости утянут его на дно темного, смертельного омуты?

© Плахута И., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	14
5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Спящий Бог

Илья Плахута

*Посвящается людям, которые забыли,
кто они есть на самом деле*

© Илья Плахута, 2015

© Илья Плахута, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

Легкой поступью в полумрак небольшой церквушки вошел молодой человек. Церквушка находилась практически в центре маленькой, но довольно чистой и целомудренной деревни. Все здесь друг друга знали, все ходили на воскресные мессы, чтобы восславить Господа и обсудить все последние новости, которые могли (или не могли) произойти в деревне. Жители зачастую ходили со счастливыми лицами – одного факта того, что они жили и существовали, им было вполне достаточно. Оттого себя они считали самодостаточными.

Гарри, тот самый юноша, вошедший легкой поступью в полумрак церкви, называл их идиотами. Ему было мало просто радоваться жизни, он хотел понять ее смысл, ее сущность, ее противоположность – смерть. Ответы на свои вопросы Гарри решил найти у отца Фрэнка. Он должен был находиться в это время в церквушке – в общем-то, он практически никогда из нее и не выходил: он был слишком стар, чтобы преодолевать большие расстояния пешком, за руль садиться он не решался, а подвозить себя никому не давал – он считал это глупым и недостойным своего сана. Его даже не волновала последняя новость деревни – массово исчезающие животные. Говорят, что собаки и кошки просто так не исчезают, но что до этого отцу Фрэнку? Найдут их, не найдут – это не его проблемы.

Отец Фрэнк как раз находился в исповедальне. Он часто сидел там, надеясь, что его никто не потревожит, что никто не собьет его прекрасную дремоту в святилище. Увы, в этот раз получилось не так, как он задумывал: кто-то постучал по стенке исповедальни, привлекая его внимания, тем самым извлекая его из собственного сна. А во сне были его молодые годы, его путешествия через всю страну, его тяга к женскому полу. Часто после таких снов ему приходилось просить прощения у Всевышнего, хотя в самой глубине души отец Фрэнк ни о чем не жалел.

Это был Гарри. Мальчик, тщедушный и с виду незрелый, постучался к нему на исповедь. Гарри был деревенским пареньком, отец Фрэнк каждые выходные видел его на мессе. Странно было, что он пришел на исповедь: что можно совершить скверного в 13 лет?

– Здравствуйте, отец Фрэнк.

– Здравствуй, Гарри. Как поживают родители?

– Хорошо. Не жалуются. Может, они так стараются, чтобы я просто чего-то не видел или не слышал. Взрослых не поймешь. В любом случае, все кажется нормальным со стороны. Но я здесь не для этого...

– Ты хочешь исповедаться, сын мой?

– Именно так. И давайте представим, что вы меня не знаете, что я случайный человек в этой церкви. Это возможно?

– Да, вполне. – Отцу Фрэнку не слишком нравился настрой Гарри. В его голосе он чувствовал какую-то грубость, даже злость. Хотя священник никогда бы не назвал этого мальчугана агрессивным.

– Святой отец, я убийца. Я чертовски хладнокровный убийца.

Внутри отца Фрэнка все похолодело. Он не знал, как реагировать на подобные заявления – в его практике подобного ещё не случалось. Тем более если учесть, что он сейчас был отделен зарешеченным окном от тринадцатилетнего паренька. Гарри продолжал:

– Я убиваю часто, святой отец. Я убиваю много. Я обожаю смотреть, как те, кого я убиваю, корчатся в муках, страдают, тщетно пытаюсь избежать боли. А я делаю всё, чтобы эта боль была совершенно невыносимой: я сжигаю их живьем, отрезаю им части тела, я не оставляю им ровно никакого шанса на выживание. Я могу обливать их горючей смесью, например, газOLIном, которого полно у папы в сарае. Я могу взять мамин кухонный нож и рубить, крошить жалкую плоть. Ведь это всего лишь плоть, ведь так, святой отец? Главное – дух. Ведь так, святой отец? Я посещаю Ваши мессы, внимательно вслушиваюсь в Ваши слова. Мне безумно интересно, насколько слабы тела, сколько им отведено времени для страданий до логичной и неизбежной смерти.

Я тиран, я не оставляю им никакого выбора. Я все решаю за них. Я хочу увидеть, услышать, понять дух. Пока мне этого не удалось сделать. Пока я вижу только искаженность и боль. Мне становится нудно, хочется чего-то большего. И не подумайте, что я хочу уподобиться Господу – нет. Я хочу *стать* Им. Я еще не ощутил дух замученных тел, но я почувствовал власть. Вы знаете, Вы помните, как это, быть властным над кем бы то ни было? Каждый раз, когда я сжимаю в руке нож или держу зажженную спичку, я ощущаю внутренний огонь. И я не хочу, чтобы он когда-либо потух. Пусть этот огонь горит во мне незыблемо, вечно и ярко. Так ярко, чтобы сжигал всё вокруг, оставляя лишь жалкие, черные угольки – намеки на существование.

На этом, наверно, и всё, святой отец. Я поделился с Вами, исповедался. Спасибо. Кроме Вас об этом знает только моя сестра. Но ей совершенно нет до меня дела – у нее сейчас особенный период в жизни, такой, который описывают в учебниках по биологии и физиологии. Она занята другим, точнее – *другими*...

И да, никому не говорите то, что услышали. Забудьте. Выбросите из головы. А если у Вас не получится, то в тот момент, когда мне вновь станет нудно, я приду к Вам. Но тогда огонь будет пылать во мне, и Вам не избежать его. Вы почувствуете весь его жар.

Спасибо еще раз. Увидимся на воскресной мессе.

Гарри вновь постучал костяшками по крепкой, деревянной стенке исповедальни. Отец Фрэнк слышал, как он не спеша вышел за порог церквушки. Сам же священник осел на пол, не зная толком, что делать дальше. Да и что он мог сделать? Да ничего, ровным счетом ничего. Не нарушит же он тайну исповеди... Таким образом, решив найти успокоение в своих снах и воспоминаниях, отец Фрэнк вновь задремал. Он уже и забыл, как в душе когда-то пылал огонь, правда, тот ему казался мягким и безобидным...

2

Отцом Фрэнком овладела приятнейшая нега. Давно ему не доводилось вот так спокойно провести день, без лишних церемоний, обрядов и тем более исповедей. После последней исповеди ему было как-то даже не по себе, хотя уже прошло несколько дней, да и за собой подобных эмоций он ранее не замечал. Однако, он давно уже подозревал, что рано или поздно должен был попасться на его исполненном священным долгом пути какой-нибудь псих. Отца Фрэнка лишь волновало количество подобных случаев – честно говоря, он боялся продолжения. От Гарри продолжения не ожидалось – парень довольно четко дал ему все понять.

А сейчас всё уходило на задний план, не пытаясь даже зайти на территорию снов и воспоминаний священнослужителя. Отец Фрэнк захотел выпить вина. Такое с ним случалось не часто, но случай был подходящий: он вспомнил про тысяча девятьсот семьдесят первый год. Хороший то был год для отца Фрэнка, который тогда даже не думал о том, чтобы встать не то, что на путь Бога – даже на путь истинный. Это сейчас он ограничен со всех сторон моральным, божественным, социальным и другими законами. Тогда ему было плевать на законы, в то время он был похож на персонажа из «Беспечного ездока» – такой же вольный, такой же свободолюбивый, такой же «плевать-я-хотел-на-всё».

Тогда он познакомился с ней. Ее звали Дженни. Ему не было совершенно без разницы, кем она была на самом деле, откуда родом и почему оказалось в его компании. Ему было с ней хорошо, и сейчас, вспоминая ее, он причмокивал сухими старческими губами молодое вино, вспоминая моменты дикости, свойственные юности. Ему даже показалось, что это происходило не с ним, что он не знал никакой Дженни, что те безрассудства в их исполнении были всего лишь его больной фантазией. Отцу Фрэнку действительно хотелось (и, возможно, даже пора, по словам многих людей в деревушке) уходить на заслуженный отдых – он чувствовал себя больным и обветшалым, словно слившимся со строением старой церквушки, одного из самых старых зданий в городе. Вот он и ощущал себя таким же старым, таким же одиноко стоящим среди массовых застроек и общей удовлетворенности.

Отец Фрэнк не был удовлетворен. Во всех смыслах этого слова, абсолютно во всех. Ему не хватало радости, бодрости, смелости, похвалы, важности, щедрости, жалости – и этот список можно было продолжать. Не говоря уже о том, что ему не хватало секса. Простого человеческого секса, которого он был лишен последние тридцать с небольшим лет. Вот и образ Дженни, девушки из ниоткуда, не случайно вырос в его сознании.

– Чертова молодость! – закричал на всю церквушку отец Фрэнк. И сразу же осекся – несмотря на некое наплеватьство, ему нельзя было забывать о том, кем он являлся сейчас, какой сан занимал. Всё остальное – воспоминания, пустые и ненужные для настоящего времени, но такие живые и яркие, что хочется забыть о настоящем, вернуться в прошлое и уже оттуда попытаться сжечь будущее, которое ничего хорошего не предвещало. Но всё же это были пустые и ненужные мысли...

Взяв бутылку священного вина, отец Фрэнк направился в свою любимую исповедальную. Иногда у него складывалось впечатление, что он может укрыться там от чужих глаз, посторонних мыслей и самого Верховного, око которого было везде, куда ни взгляни. Как раз в этом смысле у исповедальной было двойственное положение: так как это помещение помогало отцу Фрэнку выслушивать о наблевшем, накопившемся или просто всякий странный бред (он

опять вспомнил Гарри), в общем, ту информацию, которая никогда не выйдет за пределы церквушки или точнее сознания священнослужителя, то он считал вполне возможным спрятаться самому в этом помещении, чтобы ничьи глаза его не видели, а уши не слушали. Тем более в данном случае он не хотел сдать пьянчужкой в лоне христианской морали. Вновь привалившись к деревянной стенке, отец Фрэнк спокойно выпил третий или четвертый (а, может, пятый – кто считал?) стакан вина. Он даже подумал, что на ближайшую церемонию священного напитка может не хватить, но усталость и воспоминания брали своё.

Отец Фрэнк заснул. Его простое, старческое лицо поначалу не выказывало никаких эмоций. Но по прошествии четверти часа он уже видел во сне себя, окруженного друзьями. Их было человек шесть или семь, не каждого из них Фрэнк мог даже вспомнить имя. Они курили «травку». Они оттягивались, как *нормальная* молодежь. Они жили, наслаждались жизнью, не пытаясь скрывать этого пристрастия. Друзья и «травка» – хороший стимул любить жизнь в любом ее виде. Вот уж чего точно не хватало в повседневной жизни старого священника – стимула!

Дальше сновидение становилось более размытым, но ему удавалось отчетливо различать Дженни. Она была прекрасна, в ее коротких джинсовых шортиках, в перевязанной спереди хлопковой рубашке, которая принадлежала ему, в соломенной широкополой шляпе, которую они на пару украли у какого-то местного мексиканца. Ему было приятно, что она надела его рубашку, наверное, более всего из чувства мужского собственности. Она тогда принадлежала ему, ему одному. Вдвоем они всегда накуривались или напивались, а потом занимались сексом везде, где только можно: на стоянках, на обочине, у общих друзей в трейлерах, на берегу – у них не было абсолютно никакого времени проводить поиски пристанища для сексуальных игр. Всё было моментальным и отчасти мимолетным, но оттого не менее сладостным. Отец Фрэнк улыбнулся во сне при воспоминании, как их двоих застукали на *драйвине*: пришлось придумывать оправдания, увиливать, но, в любом случае, им было весело попадать в передряги, если виной им был секс.

Сейчас, в воспоминаниях, Дженни так же легко входила в его жизнь, как тогда в комнату, где сидели он и его друзья. Она смотрела на него, он – на нее, и он мог прочесть в ее глазах, ее жестах только одно – желание. Желание было практически неутолимым: они не давали ни покоя, ни передышки друг другу, пытаясь каждую секунду насладиться молодостью, гибкостью и упругостью тел, и драйвом от выбранного места для секса. Все знали их дурную привычку находить любое ненормальное место для соития, и когда они вдвоем уходили в туалет (или поочередно, но с малым интервалом времени), то все друзья говорили только одно: «Опять ушли трахаться!»

Внезапно лицо отца Фрэнка омрачилось. Сон изменился, приобрел не то значение, не те краски, которые он хотел бы увидеть. Нет, отец Фрэнк по-прежнему видел перед собой образ Дженни. Но она была уже другой – мертвенно-бледной, со следами ножевых ранений и кровоподтеками. Ее убили – он точно никогда этого не забудет. Это просто невозможно – никогда не поможет забыть ни служение, ни алкоголь, ни что-либо другое. Основная масса снов так и заканчивалась для священника – мраком и ужасом прошлого. Никого не нашли, никого не наказали. Ничто в мире не имеет значения без справедливости. Поэтому, наверно, Фрэнк обратился к Богу – найти справедливость среди людей ему так и не удалось. Ах, Дженни, Дженни... Её белокурые волосы, ниспадающие на белые, в синяках, плечи, ее закрытые прекрасные глаза, ее красивое, но уже заиндевевшее тело – это всё, что Фрэнк помнил последнее о любимой девушке.

Отец Фрэнк открыл глаза. В них не читалось ничего, кроме ненависти, всепоглощающей и всеобъемлющей. Он ненавидел людей за их непонимание и ничегонеделанье, он ненавидел себя за то, что допустил произошедшее столько лет назад и Бога – за то, что он по-прежнему не дал ему ни одного ответа на поставленные вопросы.

Отец Фрэнк оглянулся по сторонам, пытаясь прийти в себя. Затем он встал, вышел из исповедальни, желая увидеть прихожан. Но никого не было, и его желание компании утонуло в пустоте. Не зная ничего другого, священник вновь зашел в исповедальню, уткнулся спиной в деревянную стенку и заснул в надежде уже никогда не просыпаться. Но просыпаясь и каждый раз отталкивая от себя плохие воспоминания или привлекая обратно приятные, отец Фрэнк понимал, что его время еще не пришло...

3

– Шериф, зачем вы это всё мне показываете?

На столе перед отцом Фрэнком лежала кипа фотографий. На них была изображена мертвая девушка. Ей было на вид семнадцать, и она была похожа на дочку прихожан, которые приходили к нему на мессы раз-два в месяц – не чаще. Сама девушка уже давно не приходила к нему в церквушку. Современная молодежь, как здраво предполагал отец Фрэнк, была далека от того, чтобы слушать проповеди о христианской морали. Их интересовали совершенно другие вещи, у них были абсолютно иные цели. Он их прекрасно понимал, ведь сам был таким. В принципе, ничего не изменилось со времен его молодости: наркотики, алкоголь, секс, музыка. Разве что теперь добавились другие аспекты, такие, например, как постоянное зависание в интернете, нежелание читать что бы то ни было, огромное количество электронных штук, для половины которых священник даже не знал применения. Да и музыка сильно поменялась: отцу Фрэнку совершенно не нравились новые молодежные вкусы, и это следовало не из того, что они были собственно новыми, свежими – нет, они вполне отвечали времени. Просто музыка стала глупее, приземленнее, и священник никак не мог уловить того вдохновения, которое в ней находили молодые люди. Сколько раз тишину церкви нарушали звонки, точнее мелодии звонков! Но отец Фрэнк всегда призывал всех к толерантности, поэтому самому приходилось придерживаться этой позиции. Он, конечно, помогал развивать всеобщую мораль, как мог, но мир вокруг стал слишком наглым, вызывающим и оттого еще более привлекательным для незрелых умов.

Возвращая взгляд к девушке на фото, священнослужитель в очередной раз порадовался про себя, что не обедал до этого – к горлу подкатил ком, его мутило. Хотя, на самом деле, все могло быть хуже, будь он на полный желудок. Ее тело было испещрено ножевыми ранениями: отец Фрэнк не стал считать точное их количество, было очевидно, что больше десятка. Они были глубокие, с тонкими аккуратными канвами. В его голове возник образ Дженни.

– Шериф, еще раз хочу уточнить, зачем Вы мне это показываете?

– Показываю, значит, есть на то причины. Хочу, чтобы Вы увидели, святой отец, что творится в нашем городке. Я здесь шериф уже более 20 лет, и ни разу не имел дело с таким убийством. Было всякое: убийство на почве ревности, подрезанные тормоза конкурента, даже убийство в состоянии аффекта. Но такого случая я не припомню на всю округу. Вы должны знать, что происходит что-то странное.

– Но почему я?

– Так должно быть: первыми узнают полицейские, потом родственники жертвы, а потом церковь. Ведь если возникнет всеобщая паника, я и Вы должны быть вместе, чтобы успокаивать запуганных, загнанных страхом жителей.

– Это я понял. Но зачем Вы мне показали эти фото?!

– Честно говоря, вспомнил про Ваше прошлое.

Отец Фрэнк удивленно посмотрел на полицейского. В его словах и взгляде не было ничего вопросительного, подначивающего или тем более издевательского. Он говорил вполне серьезно, считая, что прошлое священника каким-то образом может быть связано с этим случаем. Отец Фрэнк не знал, возможна ли связь между «тогда» и «теперь», но сходные черты двух разных событий различных времени и мест событий были налицо. По крайней мере, он пытался отогнать от себя такие мысли.

– Как Вы узнали про тот случай?

– Фрэнк, Вы забываете, что я офицер полиции. – На лице полицейского мелькнула улыбка сочувствия и некоторого снисхождения, то ли к возрасту отца Фрэнка, то ли к его сану. – В мою обязанность входит знать всё и обо всех. Тем более, когда такое несчастье случилось...

– Почему тогда Вы со мной не говорили об этом ранее?

– Глупый вопрос, отче Фрэнк. Не ожидал даже. Но все равно отвечу: до сих пор не было прецедента. Прецедент сейчас появился – поэтому я сижу перед Вами, в Вашем неудобном, аскетичном кресле и рассказываю то, что Вам необходимо знать. Поэтому упоминаю дело из Вашего, отче, прошлого. Поэтому требую Вашего непосредственного внимания и, возможно, участия. И не думайте, что я Вас в чем-либо обвиняю. Ни в коем случае.

– Раз так, могу ли я остаться наедине с Господом, чтобы все обдумать и спросить у него совета?

– Как ненавязчиво и мило Вы меня выпроваживаете, Фрэнк. – Шериф улыбнулся во весь свой белозубый рот, искренне, незлобиво и понимающе. – На самом деле, не хотел Вас расстраивать или вводить каким-то образом в заблуждение. Специфика работы, знаете ли. – Еще одна улыбка, на этот раз мимолетная, быстро слетевшая с лица резко посерьезневшего представителя порядка. – До скорой встречи, отче Фрэнк.

– До скорой встречи...

Священнику не понравилось это словосочетание. Нет, при нормальных условиях он бы даже не заметил, что его вообще произнесли – обычное прощание, не более. Но сейчас... «До скорой встречи» из уст полицейского, пусть даже произнесенное без какого-либо дополнительного смысла или подтекста, звучало настораживающе и даже в какой-то степени угрожающе. Ему совершенно не хотелось, чтобы эта встреча стала скорой – это бы значило, что он нужен, что от него вновь будет требовать информации, которая повлечет за собой воспоминания.

Отец Фрэнк понимал, что он был слишком стар для всего, что происходило вокруг него. Он не успевал за изменениями, происходившими в стране, не говоря уже о мире. Нет, он, конечно, знал все самые важные события, но уже ставшая хронической привычка ни во что не лезть сделала из него ленивого, слабо заинтересованного и даже аморфного человека. Как он сам говорил: «Меня касается только то, что меня касается». А касалось его мало что: периодические проповеди, редкие разговоры по телефону с церковными сановниками и, как ни странно, его будущим заместителем или скорее даже заменителем. Паства приходила к нему за советом, но он ограничивался выдержками из Святого Писания, не вкладывая в совет при этом ничего своего – только лишь великую мудрость христианских догм. Она должна была полностью скрыть его нежелание влезать в чужие дела, но не желание помочь. Даже в этой странной ситуации с мертвой девушкой он не скрыл своего желания помочь, хотя и не выказал его. Жизнь научила отца Фрэнка грамотно балансировать на грани простой ответственности и лени что-либо делать. Готовый помочь всем, помочь всем он не был готов.

Шериф оставил отцу Фрэнку одну из фотографий. Зачем? Смотреть на нее и снова преисполняться ненависти к людям? Пытаться увидеть что-то, чего не углядели полицейские? Смех, да и только! Священник бросил взгляд на фотографию. Девушка лежала так мирно, так спокойно, что казалось, будто она спала на том прозекторском столе. Она была красива и свежа, даже после смерти, только раны портили впечатление от молодого тела. Он отложил фотографию в сторону.

Впервые за множество последних лет отцу Фрэнку захотелось курить...

4

Тихий лес был прекрасен, практически идеален, как будто природа решила создать что-то по совершенно четкому и симметричному чертежу. Деревья выстраивали узоры, расходящиеся в разные стороны, иногда могло показаться, что малые узоры выстраивают большие, тем самым производя на свет природные фракталы. Сквозь эти узоры редко мог пробиться свет – он скорее врезался в пелену тьмы, насыщенной, полной и пугающей. Тьма становилась абсолютной с приходом вечера: пройти по этому лесу ночью, среди кромешности и кажущейся пустоты, становилось целым испытанием, которое пройти было по силам далеко не каждому. Про этот лес можно было не придумывать никаких историй и небылиц – один его внешний вид наводил оторопь и страх перед неизвестным, что ждет впереди.

Кто-то шел по этому лесу. Не спеша, размеренной походкой, скорее даже легкой поступью. Этому человеку некуда было спешить, и каждый его мерный шаг доказывал это предположение. Сквозь плотную череду деревьев не удавалось разглядеть, кто это был. Закрадывалась мысль, что шел парень, но пока было тяжело сказать наверняка. Но он (или все-таки она?) не боялся, не страшился тьмы, что его окружала, будто сам был частью ее. С какой целью нужно было делать в этом лесу после наступления сумерек, как не пытаться скрыться от чужих глаз, укутаться в пелену без света и без звуков, убежать от внешних факторов, аспектов, феноменов, в общем, всего того, чем преисполнено современное общество?

Тишина. Назойливая, звенящая в ушах тишина. Она была повсюду, окружала собой, забиралась во все щели, убивала все звуки в зародыше. Казалось, ничто не сможет ее нарушить, эту словно ватную тишину, которая пропитала собой весь лес. Только какой-нибудь резкий звук мог пронзить ее, ранить в самое сердце беззвучия, разбив тем самым вдребезги. Вот именно такими звуками стали шаги незнакомца. Казалось, что при каждом шаге в этой тиши он наступает, или даже вспрыгивает, всем своим весом на стекло. Этот прекрасный треск разбитого стекла...

Незнакомец и не думал останавливаться. Он шел дальше, преодолевая своей легкой поступью метр за метром. Он заходил все глубже в лесную глушь, периодически оглядывался, будто боялся встретить кого-то здесь, в этом диком месте. На своем правом плече он нес какую-то поклажу, которую разглядеть просто не было никакой возможности. Она не казалась особо тяжелой, по крайней мере, ее вес никак не отражался на легкости поступи самого незнакомца. В левой руке он нес нечто длинное, продолговатое, издали это нечто можно было принять за длинную палку или удочку (хотя последнее было слабым предположением, учитывая отдаленность леса от любого ближайшего водоема, будто то озеро или небольшая река). Вполне логичным показалось бы наличие озера внутри леса, такого же скрытого, спрятанного от чужих глаз, как и все в этом лесу. Но нет, ничего подобного не было.

Внезапно незнакомец остановился. Следующим движением он снял ношу с правого плеча и бросил ее оземь. Послышался мягкий звук удара о землю, как будто в мешке было что-то достаточно мягкое и при этом цельное, чтобы не издать какой-либо другой вид звука при соприкосновении с твердой поверхностью. Потом рядом с поклажей положил продолговатый предмет, который, это можно было разобрать благодаря слегка проникающему сквозь чащу лунному свету, снизу расширился и сейчас напоминал лопату.

Незнакомец стоял над тем, что бросил на землю и просто смотрел. Сложно было предположить его следующее действие: он не шевелился, просто застыл, будто ожидал чего-то. Внезапно он начал избивать ногами недавно сброшенную поклажу. Он наносил удар за ударом, не жалея силы, которую все больше и больше вкладывал в каждый новый выпад. Этот процесс доставлял незнакомцу удовольствие – это можно было догадаться по остервенению, с которым он бил, по возгласам радости, которые прорезали пустоту и тишину, распугивая ночных существ, какими бы они ни были в этот достаточно поздний час. Складывалось впечатление, что он никогда не остановится, что будет так продолжать ночь напролет, не боясь кого-то вспугнуть, растормошить своими действиями в этом лесу.

Впрочем, незнакомец все-таки остановился. Это было понятно по финальному, душе-раздирающему крику радости, раздавшегося после того, как он нанес, как оказалось, последний удар. Это было сродни крику во время крайнего исступления, исступления скорее сексуального характера; это было похоже на оргазм, на настоящий, истинный мужской оргазм. Это был в полном смысле слова незнакомец, существо мужского пола, и он получил невероятную радость во время избивания непонятной поклажи.

Но на этом действия незнакомца не закончились. Он схватил в руки лопату (да, это все-таки была лопата) и начал копать землю. Последняя поддавалась слабо, не хотя, будто давая понять, что ей совершенно не по нраву внешнее вмешательство. Но, в конце концов, земля поддалась, отступила и дала-таки сделать в себе дыру. Яма получилась не очень глубокая, но ее вполне хватало под размер ноши, которую приволок на плечах этот незнакомец, этот странный человек в капюшоне среди деревьев, отсутствия звуков и безмолвия. Через несколько секунд ноша была закинута в яму, несколько раз еще раз прибита сверху ударом ноги и потом заброшена землей. На том месте, где только что зияла дыра в земле, а теперь находилось место закапывания, незнакомец потоптался несколько минут, видно, с целью примять свежерытый грунт, утрамбовать его как следует. Он даже несколько раз подпрыгнул на этом самом месте, оставляя глубокие следы. Наличие этих самых следов ему определенно не понравилось, потому он легко провел по ним ногой, сметая их подошвой, превращая их в однородную поверхность. Наверно, на лице незнакомца можно было бы разглядеть улыбку или довольный оскал, но это так и осталось предположением, так как лунный свет не смог прорваться сквозь тьму.

Все той же легкой походкой незнакомец пошел обратно по тому же проторенному пути, по которому зашел вглубь леса. Он старался наступать на свои же следы, и одному Богу было известно, каким образом ему удавалось разглядеть их в темноте. Скорее всего, его полуночный визит сюда был не первым – и не последним. Он прекрасно знал окрестности, не сходил с известной только ему дороги, следовал заранее продуманному плану.

Недалеке показался что-то подобное на выход из леса – там царил свет. Он становился все ярче при приближении, проводя четкую межу между собой и тьмой. Вот-вот незнакомец должен был покинуть мрачный лес, выйти на свет, не выказав при этом своих намерений и странности поведения. Таким же размеренным и непринужденным шагом незнакомец переступил через границу светлого и темного. Он оглянулся в своем капюшоне в том направлении, откуда только что появился, проводил взглядом пойманный боковым зрением луч света, уходящий в темень. Затем незнакомец повернулся и быстро побежал в сторону городка, который был виден благодаря огням домов и паба на отшибе.

Набрав хороший беговой темп, незнакомец даже не заметил, что с его головы слетел капюшон, давая возможность луне осветить его доселе спрятанное лицо. Незнакомцем был

молодой паренек лет четырнадцати, совсем юноша. Свет отблескивал в его глазах, оживляя и без того странный, какой-то даже страшный, огонек...

5

Отцу Фрэнку часто снились сны. Иногда ему хотелось заблокировать их поток потому, что не проходило ни ночи, чтобы он не увидел что-нибудь странное, совершенно невообразимое и оттого еще более отталкивающее в своих сновидениях. Самое ужасное, что основную массу снов он запоминал, благо такое наяву увидеть точно бы никак не привелось. Хуже было только то, что те сны, которые он запомнить не смог, донимали его, заставляя напрягать мозг и пытаться все-таки почерпнуть недавно увиденные, но так и не запомнившиеся образы. Он ходил часами в церквушке или по церковному двору, пытаясь хоть что-нибудь воссоздать в памяти. Зачем – он сам толком не мог ответить на этот вопрос.

Отцу Фрэнку казалось, что все, что происходило в его сновидениях, – крайне важно, он лишь пока не догадывался о причинах такой важности. Поэтому каждое утро, просыпаясь, и тем самым делая резкий переход между реальным и нереальным миром, он брался за ручку, карандаш или что-нибудь, что могло помочь ему записывать увиденное. Подобное происходило уже в течение долгого времени, если судить по целым томам сочинений, исписанных мелким и ужасно не ровным из-за пробуждения почерком отца Фрэнка. Это были кучи блокнотов, тетрадей, бумажных обрывков, которые впоследствии были скреплены один за другим в хронологическом порядке. Об этой привычке священника никто не догадывался, да и он относил себя к тем людям, что считали благом незнание окружающих о личной жизни других людей. «Меньше знаешь – лучше спишь» – так любил повторять отец Фрэнк. И сам всегда нарушал это правило – неосознанно, скорее, по должности, чем по собственному желанию.

Жители деревушки доверяли отцу Фрэнку все свои секреты, даже не подозревая, что каждый из них был увиден отцом Фрэнком во сне, зачастую в иносказательном, совершенно контекстуальном виде, но всё же он мог разобрать основной посыл, сопоставить его с той или иной проповедью того или иного прихожанина. Священнослужитель видел себя слишком впечатлительным и восприимчивым, но, к сожалению, закрыться от атак чужих скелетов в шкафу не мог. Вот и приходилось справляться собственными силами, переводя всё в сны. В любом случае, это лучше, чем быть психоаналитиком – тот должен в совершенстве владеть каким-нибудь способом, чтобы иметь возможность абстрагироваться от жизненных и болезненных (иначе, зачем ходить на психотерапию?) рассказов пациента. Прихожане – не пациенты, у них происходят и хорошие вещи в жизни. Поэтому и сны отца Фрэнка были не одним сущим кошмаром в темных, мрачных тонах, а полным разнообразием красок, образов и впоследствии – ощущений.

Но было такое время, когда поток прихожан, а соответственно и снов, не переставал иссякать. Подобное случалось редко, и тому объяснением должно было быть какое-нибудь событие, заставившее жителей городка выстраиваться в очередь в исповедальную, событие из ряда вон выходящее. После прихода шерифа о таком событии легко можно догадаться. В общем-то, все шло так, как полицейский и сказал: все жители, ведомые страхом и предчувствием чего-либо ужасного, в панике выстраивались в очередь за спасением, если не со стороны властей, то со стороны Всевышнего.

Отцу Фрэнку достаточно было бросить взгляд на внутренности церквушки, чтобы понять, что день обещает непростым во всех смыслах этого слова. Придется выслушивать каждого – священник не вправе был отказать пришедшему и молящему, а таких насобиралось больше трех десятков, и это за короткий промежуток времени. Прихожане прибывали и при-

бывали, и казалось, не будет им ни конца, ни края. В такие моменты отец Фрэнк мечтал о том, чтобы можно было, как в магазине или кафе, повернуть табличку на двери, поменять дружелюбное, зазывающее «открыто» на застенчивое и усталое «закрыто». Но, к его сожалению, все же таки придется нарушить отвлеченное от мирских, да и Божьих, дел утреннее существование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.